

ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

УДК 141.45 (091)

ОТ РЕЛИГИОЗНОГО РАСКОЛА К РАСКОЛУ СОЦИАЛЬНОМУ: К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ ВЗГЛЯДОВ А.П. ЩАПОВА

Н.О. Архангельская, Я.В. Бондарева

ГОУ ВО Московской области «Московский государственный областной университет», г. Мытищи

DOI: 10.26456/vtphilos/2021.3.107

В статье рассматривается эволюция взглядов А.П. Щапова на раскол. Первоначально он придерживался традиционной концепции, считавшей раскол порождением невежества народа и его приверженности старине. Через несколько лет Щапов уже утверждал, что раскол – это выражение недовольства народа усилением феодальной зависимости, проявившееся в религиозной форме. Причем среди направлений раскола он уделяет внимание тому, которое предполагало общий труд. Таким образом, его позиция совпала с позицией революционных демократов и некоторых русских историков, рассматривавших религиозные движения (преимущественно европейские) как форму выражения интересов определенных социальных групп.

Ключевые слова: *А.П.Щапов, старообрядчество, религиозное движение, социальный раскол, религиозный раскол.*

Работам А.П. Щапова о расколе посвящен целый ряд исследований. В них подчеркивается, что Щапов был первым, кто стал объяснять возникновение раскола не только религиозными, но и социальными причинами. Это положение, при всей его справедливости, нуждается в уточнении, поскольку на протяжении нескольких лет, разделявших начало публикации диссертации Щапова в 1857 г. и работу «Умственные направления русского раскола» (1867 г.) взгляды историка претерпели радикальные изменения. Они привели к тому, что понимание религиозных движений как формы выражения интересов социально-экономических, социально-политических или национальных, разработанное к этому времени передовой русской мыслью на материале истории Западной Европы, было распространено Щаповым и на российскую историю.

В статье ставится задача: проследить изменения позиции Щапова, отметить ее соотношение с идеями других историков, с новыми идеями социально-философской мысли.

В объяснении происхождения раскола в середине XIX в. господствовали идеи, разделявшиеся, в частности, С.М. Соловьевым и восходившие, как показал в своей статье А.С. Маджаров, еще к В.Н. Татищеву [4]. С.М. Соловьев в публичных лекциях, прочитанных в 1851 г. и опубликованных в 1852 г., утверждал: «расколы – следствие

невежества и грубости нравов» [5, с. 199]. Позднее в томах «Истории», вышедших в 1861–1862 гг., он объяснял появление раскола застоём в жизни России XVII в., преобладанием деревенской жизни над городами, слабым развитием мануфактур и торговли. Идеалистический подход к истолкованию исторических событий привели к следующему объяснению: «При отсутствии просвещения, дающего возможность различать существенное от несущественного, перемена во внешнем, могущем изменяться, кажется изменением существенного, изменением религии, мысль, что перемена есть исправление, не допускается...» [6, с. 194]. Подобное объяснение в середине XIX в. становилось анахронизмом.

Середина XIX в. – период, когда вырабатывался научный подход к пониманию сущности религии и, как часть этой проблемы, религиозных движений прошлого и настоящего. Если в XVIII в. были только догадки о закономерности исторического процесса, то в начале XIX в. появляется гегелевское понимание истории как закономерного развития общества. Одновременно французские историки эпохи реставрации разрабатывают концепцию классовой борьбы как основы общественных изменений. В Германии в середине века появляются исследования, связывающие религиозные идеи с положением определенных социальных групп (В. Циммерман), в России это блестяще показывают Т.Н. Грановский и революционные демократы. Еще в 1840-е гг. Т.Н. Грановский и П.Н. Кудрявцев показывали социальную основу развития протестантизма и других религиозных течений. А.И. Герцен подчеркивал социальные причины рождения и распространения первоначального христианства. Они пришли к следующему выводу: движения, внешне проявляющиеся как религиозные, в сущности, являются социально-экономическими, социально-политическими, национально-освободительными. Использование диалектического метода позволило поставить вопрос о соотношении формы и содержания, но дело в том, что преимущественно рассматривались европейские религиозные движения. Но эта концепция не была усвоена теми, кто занимался русской историей. Ситуация складывалась следующая: история Западной Европы изучалась на основе новейших достижений философии истории, здесь налицо диалектические идеи закономерности развития, понимание связи выдвигавшихся идей с определенными социальными группами. Но все эти достижения мысли не применяются к истории России.

Основные работы Щапова, посвященные расколу, выходили в 1860-е гг. Щапов первым стал глубоко изучать старообрядчество, именно ему пришлось преодолеть устаревший подход к нему, по сути дела распространяя общую концепцию философии истории на анализ российской реальности. Поэтому эволюция понимания Щаповым раскола представляет интерес. По-видимому, он пришел к пониманию раскола как выражения социального недовольства довольно сложным путем. Щапов начал с изучения документов Соловецкой библиотеки.

Первоначальная позиция Щапова выражена в основном тексте «Русского раскола». В целом книга написана с позиций защиты власти и православия против демократического раскола, да и демократизм этот, по мнению историка, заключался лишь в том, что участвует в расколе население, поступающее вопреки власти. «Русский раскол» содержит массу противоречий, видно, что теоретические проблемы (философско-исторические) еще не решены автором. Не вполне определена социальная позиция Щапова. Противоречивость позиции Щапова была отмечена еще в рецензии, появившейся в журнале «Современник», (современные исследователи называют ее авторами Н.А. Добролюбова и М.А. Антоновича) [8]. Все свидетельствует о том, что официальная точка зрения на раскол доминирует в сознании историка, но уже появляются идеи, которые в нее не вписываются.

Основные положения книги следующие.

1) Решающая роль в истории отводится личностям. Утверждение, что останься Никон на патриаршестве, и не было бы раскола [11, с. 198], говорит о непонимании истинных причин раскола. Преувеличение роли личности заметно и в утверждении: «Если бы расколо-начальники не восстали и не возмутили народ, раскола в церкви русской, по всей вероятности, не было бы» [11, с. 282]. Понятно, что подобная концепция в середине XIX в. воспринималась передовыми деятелями как анахронизм. Положение о закономерном ходе истории, в гегелевском варианте, было уже хорошо усвоено, вставал вопрос о дальнейшем развитии этих положений. С другой стороны, в этой же работе показывается предыстория раскола, он выводится из идей XV–XVI вв. [11, с. 199, 251, 260]. Следовательно, нельзя считать его возникшим только благодаря деятельности лиц, живших в середине XVII в. Первоначальное утверждение, таким образом, оказывается поколебленным.

2) Раскол понимается как движение противощерковное и противогосударственное, движение демократическое. Эти положения, сами по себе верные и сохраняющиеся в позднейших произведениях, получают здесь обоснование в духе церковном. В «Расколе» есть скорее ощущение демократизма раскола, как движения народного, но нет еще понимания истинной причины его возникновения и существования, нет понимания его как движения антифеодального по своей сущности. Эти положения появятся только в «Земстве и расколе». Сам демократизм трактуется только как невежество народа, его приверженность старине и вера в обряды при игнорировании содержания религии.

3) Крайне негативна характеристика народа. Народ в XVII в. был склонен к «праздношатательству» и разврату. Под последним понимались народные праздники, кулачные бои, а также то, что в Сибири пришедшие русские жили с иноверками. Служилые люди закладывали своих жен. Раскол узаконил блуд считает Щапов [11, с. 262–263, 265]. При этом Щапов склонен обвинить народ в любви к бродяжничеству, лени,

суеверии и приверженности внешней обрядовой стороне религии [11, с. 262–265]. Щапов признает, что в народных протестах активное участие принимали старообрядцы, но не более того.

4) Идеализируется власть, царь Алексей Михайлович и патриарх Никон (см. напр.: [11, с. 201]), причиной раскола объявляется приверженность русского народа обрядам, его невежество и неприязнь к иностранцам. Картина получается следующая. Есть правительство, которое учреждает училище, заботится о печатании книг, исправлении нравов. Оно стремится заимствовать новые идеи из Европы, науку [11, с. 208, 220]. Оно в лице Петра проводит необходимые реформы. И есть народ как реакционная масса. «Национальное сознание массы, народа почти всецело проникнуто было духом старины и устремлено было не вперед, а назад к преданиям древней России XV или XVI века» [11, с. 221]. «Уложение» Алексея Михайловича, утверждает Щапов, было призвано исправить нравственные недостатки населения [11, с. 241]. Следует заметить, что в позднейших произведениях оценка изменится.

5) Утверждается, что народ не желает принимать ничего, идущего с запада, даже науки. Но с другой стороны оказывается, что среди первых беспоповцев были протестанты, например, Вавила иноземец. В Сибири – венгерский чернец Авраам, Яков Лепихин. Выходит, что не так и враждебны раскольники иностранцам, как это утверждалось выше.

6) Сами раскольники охарактеризованы крайне негативно, особенно руководители раскола. «Сбившиеся с пути здравомыслия суеверы, утвердившиеся в том мистико-фанатическом убеждении, что исправления Никона суть уклонения от православия в латинство, отсюда начали развивать всю систему раскола...» [11, с. 218]. Раскол пошел от «неблагонравных священников» (поповщина) [11, с. 265]. «Многие расколуучители обольщали народ своею наружною святостью, своим строгим выполнением обрядовых правил церкви». Но они лицемерили или сами были обольщены своей святостью [11, с. 295]. Щапов, таким образом, с одной стороны обвиняет руководителей раскола в невежестве и дурных нравах, с другой, читаем: «Что удивительного, если расколуучители, особенно книжные, начитанные, даровитые нравились простому народу...» [11, с. 290]. Пользовались почетом и бывшие справщики книг: Аввакум, Стефан Вонифатьев, Иоанн Неронов, Лонгин и др. Народ считал их мудрецами [11, с. 291–292].

Налицо явная двойственность оценки. Щапов колеблется между неприятием раскола, приписыванием ему всех негативных черт и признанием того факта, что идеологи раскола были люди образованные, в их адрес не выдвигается обвинений в безнравственности. Ситуация объясняется тем, что они лицемерили, хотя никаких подтверждений этого нет. В итоге получается весьма противоречивое представление. Получается своеобразный вариант концепции обмана. В старом варианте хитрый обманщик придумывает религию, в щаповском – обманщики при-

думали ересь [11, с. 296]. Но концепция обмана в середине XIX в. была более, чем анахронизмом.

7) Щапов старался доказать, что учение раскола происходит не от древней русской церкви, т. е. по сути вел полемику церковную, опровергая утверждение противников о приверженности старине [11, с. 199–200].

8) В то же время, по мнению Щапова, распространению раскола способствовали неустройство в православной церкви: недостаточно количество церквей, отсутствие в ряде из них священников и т. п. Этому посвящена отдельная глава [11, с. 240–277].

Только иногда встречаются суждения, выбивающиеся из этого руслу, но они слишком робки: «восстание низшего духовенства и уклонение его в раскол проистекало из клерикально-демократического стремления освободиться от высшей иерархической власти и, главным образом, от суда и тяжких пошлин и даней архиерейских» [11, с. 276].

В целом можно сказать, что такое широкое движение как раскол считается порожденным причинами субъективными. Причем важнейшие из них связаны с деятельностью руководителей раскола, поэтому вина за произошедшее возложена в первую очередь на них. Некоторые перегибы при проведении реформ (бритье бород, немецкое платье), засилье немцев (особенно при Анне Иоанновне) называются единственными недостатками действий властей. Никакие реальные социальные предпосылки движения не выявлены. Поэтому в целом правилен вывод Е.Н. Гнатовской: «по сути Щапов принял сторону никониан» [2, с. 125].

Понятно, что такая трактовка событий не могла удовлетворить никого из прогрессивных русских деятелей. Отечественная социально-философская и историческая мысль в это время опиралась на гегелевскую диалектику и стремилась вскрыть глубинные причины, закономерности, действующие в обществе. Можно предположить, что Щапов еще не был знаком с концепциями, которые на первый план выдвигали социальные корни религиозных движений. Тяжелое положение народа отмечается как последний из факторов, приведших к рождению раскола.

Иной взгляд нашел отражение только в «Предисловии». Здесь можно прочесть такую характеристику раскола. Он представляет собой «под покровом мистико-апокалиптического символизма отрицание реформы Петра Великого, восстание против иноземных начал русской жизни, вопль против империи и правительства, смелый протест против подушных переписей, податей «и даней многих», против рекрутства, крепостного права, областного начальства и т. п.» [11, с. 173]. Но дело в том, что такая характеристика раскола практически не отражена в самой книге. Только в следующем сочинении «Земство и раскол» Щапов рассматривает эту сторону событий, особенно во второй части «Бегуны».

Изменение позиции историка было обусловлено целым рядом факторов. Во-первых, повлияли события, связанные с проведением реформы 1861 г. Щапов сочувствовал крестьянам, выступил на панихиде по

погибшим в Бездне. Это стало основой для сближения Щапова с революционно-демократическими кругами. Во-вторых, по мнению А.Н. Цамутали на Щапова повлияли идеи Грановского и Герцена [7]. В-третьих, повлияла и критическая статья в «Современнике». Н.Я. Аристов вспоминал, что Щапов «откровенно говорил мне, что хотя в статье Добролюбова много несправедливых нападок и придирчивых мелочей, но она дала ему сильный толчок к работам основательным и принесла большую пользу некоторыми справедливыми замечаниями» [1, с. 46].

Взгляды Щапова в 1859–1862 гг. претерпели радикальное изменение. Дело не только в том, что он постоянно обращался к теме земства, а в том как понимается роль народа. В «Русском расколе...» народ – костная, по существу реакционная масса, которая слепо привержена старине. Прогрессивные идеи несет правительство и старается внедрить их в сопротивляющийся народ. Принципиально иной стала позиция Щапова в период написания книги «Земство и раскол» (1862 г.). В ней на первый план выходят социальные проблемы, недовольство народа объясняется усилением эксплуатации, развитием крепостного права. Кардинально изменилась оценка власти, которая действовала только в интересах дворянства, постоянно усиливая нажим на народ. С начала XVII в. население страдало от притеснений со стороны власти. На соборе 1642 г. выборные от земских общин жаловались на воевод, поборы, требовали обложить налогами феодальную верхушку, особенно церковную. Купечество жаловалось на вмешательство представителей власти в дела торговли и промыслов [9, с. 250]. «На земском соборе 1648 г. выборные от областных общин... протестовали против экономического неравенства, розни между тяглыми и льготными классами земства; требовали равенства государственно-экономических прав для всего земства...» [9, с. 251]. Однако протесты подавлялись. При оформлении «Уложения» 1648 г. выборные земские могли только выслушать и подписать его, протестовавших (до 160 чел.) отправили в Соловки [9, с. 255].

Интересы власти и народа становились прямо противоположными. «Рождался сословный антагонизм, дошедший в половине XVIII столетия до полного развития, до открытой неприязненности сословий» [10, с. 530]. Антагонизм интересов – вот причина конфликта, который осмысливался в религиозной форме. Приверженность старине в этом случае оказывалась приверженностью временам, когда не было такого развития крепостничества, и народу жилось легче. Сама она оказывается протестом против феодальной власти, а вовсе не неспособностью воспринимать новые идеи. В этой работе не только раскол понимается уже совершенно иначе, но и демократизм теперь трактуется иначе – как протест народа против власти. Раскол распространялся из Москвы, основной областью его стало Поморье. Здесь «возникло демократическое учение – *не молиться за московского государя-царя*» [9, с. 261]. От за-

щиты православной церкви Щапов перешел к защите интересов народа, что и дает возможность назвать его историком-демократом.

Принципиально изменена характеристика народа. «Ужели тут мотивировало массы одно отвлеченно-религиозное... верование? ... Народ русский до того практичен, до того склонен к реализму, к положительности, до того не способен оторваться от земли за облака, что землю взял за основу всего своего общинного устройства...» [9, с. 290]. Таким образом, в народном мировоззрении религиозное течение стало выражением иных, более глубоких интересов. В расколе проявилась русская народная мысль, представления народа о желательных социальных отношениях. Приведенная фраза вообще близка к идеям А.И. Герцена, Н.П. Огарева, В.Г. Белинского.

Теперь главным в расколе для Щапова являются «мечь за угнетение и жажда воли. В это время, под знаменем раскола, грянула пугачевщина. ... В это же время под знаменем безпоповщинского раскола явились бегуны. В бегунах преимущественно выразилось отрицание ревизской, военно-служилой и податной прикрепленности душ, личностей к империи и великороссийской церкви и порабощенности их властям и учреждениям той и другой» [10, с. 506]. Иными словами, обращается внимание на две формы протеста активную и пассивную. Открытые бунты были подавлены, но в это время возникло первое согласие раскола. Интересно и то, что Щапов связывает появление бродяжничества с запрещением перехода крестьян. В «Русском расколе» народу приписывалась «охота к перемене мест». Теперь оказывается, что не исконным было это стремление, а вызванным усилением крепостной зависимости. Бежали люди от невыносимого угнетения, становились они либо разбойниками, либо раскольниками. На Средней Волге до конца XVI в. не было бродяжничества, переход был свободный. С запрещением его начинается бродяжничество, «являются бегуны, странники, особое общинно-демократическое оппозиционное согласие, которое принцип бегства возводит в догмат, бегству придает религиозную санкцию, в бегстве указывает путь спасения» [10, с. 515]. Щапов показывает, что религиозная доктрина освятила бегство, объявила путем спасения не только от феодальной зависимости, но и служением богу. Как Т.Н. Грановский связывал различные религиозные течения времен Реформации с интересами различных социальных групп, так и Щапов теперь подчеркивает связь между социальным положением крестьян и их взглядами.

Бегство было также средством спасения от преследований со стороны власти, подчас единственным способом сохранить жизнь. Щапов ссылается на раскольничью книгу, в которой сохранился рассказ, как при Анне Иоанновне на Дону вешали всех несогласных перейти в православие, поэтому 40 тыс семейств под предводительством Некрасова бежало в Турцию. Он приводит данные Болтина, по которым всего бежало не менее 250 тыс. душ (мужчин) [10, с. 533–534].

Но кроме бегства из Центральной России была еще одна сторона, на которую обратил внимание Щапов. «Согласие бегунов возвестило принцип постепенного и постоянного, личного и общественного отрицания этого порядка бегством от него, принцип постепенной подготовки всего народа к политической борьбе, посредством странствующей пропаганды, странствующих наставников масс народных» [10, с. 547]. Итак, антиправительственная пропаганда – вот что привлекло теперь внимание историка.

Отрицание феодальных отношений народом побуждает Щапова вспомнить также мыслителей, отечественных и зарубежных, которые выступали против этих отношений. При этом оказывается, что и те, и другие приходили к некоторым сходным выводам. Основатель секты бегунов Евфимий выступал против цехов и гильдий, так же как Тюрго, Мордвинов [10, с. 553]. Выходит, двигала раскольниками вовсе не приверженность старине. В старой форме выражались новые взгляды, в том числе и соответствующие интересам растущей буржуазии. Очень интересно следующее утверждение Щапова: «Подданные, крепостные, служилые массы народа, горьким опытом своим, путем своей вековой жизненной практики невольно сами собой доходили до тех жизненных выводов и учений, до каких и лучшие, просвещеннейшие умы того времени доходили путем науки, теории, рациональных соображений и идей» [10, с. 553]. Это бесконечно далеко от первоначального утверждения о том, что народ противится просвещению и желает воспринимать ничего нового. И вопрос об отношении старообрядцев к просвещению рассматривается иначе. Теперь Щапов подчеркивает, что просвещение при Петре коснулось очень ограниченного круга лиц, но не массы населения, которой достались только тяготы реформ. А раскольники вовсе не чураются просвещения, как утверждала традиционная точка зрения, грамотных среди них было больше, чем среди православных.

Таким образом, раскол в этой книге оценивается как движение социальное, защита народом своих прав. Пока не ставится вопрос о соотношении содержания и формы движения, но налицо принципиально новый для Щапова подход к пониманию сущности религиозных движений. Он вполне соответствовал идеям, развивавшимся революционными демократами и Грановским, а также некоторыми немецкими религиоведами. Можно сказать, что такое изменение взглядов Щапова свидетельствовало об отказе от старой трактовки раскола и приближению к научному его пониманию. Характерным будет и постоянное подчеркивание противоположности интересов господствующего класса и народа. Как основание для появления и распространения старообрядчества рассматривается протест против усиления крепостничества, но этот протест должен был быть осознан. Поскольку господствовало мировоззрение религиозное, то и осознание приобрело форму религиозного учения. Учение раскольников «возводило в доктрину не отвлеченные немецкие идеи, а...

опыты современной народной жизни и участи под гнетом реформ. Оно хотя в то же время поддерживало суеверия, занимало народ пустыми религиозно-обрядовыми вопросами, но все это в учении раскола получало своеобразную народную переработку. Раскол развивал свою догматику, допускал полную свободу мнений, толков, согласий» [9, с. 322].

Анализ раскола углубляется в работе «Умственные направления русского раскола» (1867 г.) Здесь появляются новые положения. Во-первых, обращается внимание на рабочих и ремесленников, подчеркнуты черты, отличающие их от других социальных групп. Среди них «обыкновенно прежде и более всего, чем в остальной массе народа, пробуждается интеллектуальная жизнь» [12, с. 580]. В связи с этим отмечается различие городских и сельских раскольников. Если последние привержены традиции, то первые стремятся дать своим детям образование, и готовы принять светскую культуру. Молодежь читает книги и изучает иностранные языки [12, с. 581–582, 645–646].

Во-вторых, подчеркивается стремление ряда раскольничьих групп к социалистическим по существу отношениям. Это группы «Общих». Их отношения Щапов описывает так: «Имения, движимые и недвижимые, и доходы с них принадлежат братскому общему союзу,.. личной же собственности ни движимой, ни недвижимой ни у кого нет... все сельское хозяйство и промышленность находятся в распоряжении партий, принадлежат целой слободе, в которой партии находятся, и доходы со всего этого имущества составляют общую сумму общины» [12, с. 585] «Все работы, полевые и домашние производятся общими трудами...» [12, с. 586]. Это положение сближает понимание Щаповым некоторых направлений старообрядчества с трактовкой первоначального христианства А.И. Герценом и ряда еретических западноевропейских движений В.А. Зайцевым. Общим для них всех является отрицание частной собственности, народный идеал общества, основанного на всеобщем труде, получает свое выражение в религиозной форме. Теперь для Щапова важно не только то, что старообрядчество родилось как движение народного протеста против феодальных отношений, но и то, что часть старообрядцев отнюдь не чуждается современной светской культуры, а также то, какие идеалы общественной жизни выдвигаются ими. В столь сложном явлении как старообрядчество Щапов подчеркивает не консервативные, а прогрессивные черты.

Щапов безоговорочно поддерживает народные движения, считая, что они вызваны феодальным гнетом и желанием избавиться от него. Народ выступает как сила, стремящаяся к обновлению общества. Приходит понимание коренного различия интересов народа и правящей верхушки, а это – позиция революционной демократии. Раскол, в работах Щапова предстает как широкое антифеодальное движение. «Именно от него сложилась традиция рассматривать это явление в социальном ключе» – совершенно правильно делает вывод Л.М. Искра [3, с. 4]. Но-

вая позиция Щапова сближала его с революционными демократами и Т.Н. Грановским. Отсюда следуют выводы.

1. Была пересмотрена традиционная точка зрения на старообрядчество как порождение невежества. Точка зрения, которая базировалась на устаревших для середины XIX в. философско-исторических взглядах.

2. Старообрядцы рассматривались как сила враждебная феодализму. Именно такой подход позволил А.И. Герцену и Н.П. Огареву, а вслед за ними и другим политическим деятелям, рассматривать их как такую группу населения, которая способна принять участие в революционном движении. Ставился вопрос о взаимодействии с ними.

3. На конкретном материале по истории старообрядчества было показано, что на конкретном материале по истории религиозных движений было показано, что общие закономерности появления религиозных движений в России те же, что и в Западной Европе (а также и в других регионах). В религиозной форме население выражает свои социально-экономические и социально-политические взгляды. Иными словами пути развития России и Европы мира в главном совпадают. Объективно такая концепция вела к признанию единых закономерностей исторического процесса во всех странах.

Список литературы

1. Аристов Н.Я. Афанасий Прокофьевич Щапов (жизнь и сочинения). СПб.: тип. А.С. Суворина, 1883. 192 с.
2. Гнатовская Е.Н. А.П. Щапов о причинах церковного раскола XVII в. // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Сб. научных трудов. Уссурийск: Изд-во УГПИ, 2001. С. 123–127.
3. Искра Л.М. А.П.Щапов и начало перелома в его исторических и общественно-политических взглядах // Российские университеты в XVIII–XX вв. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2008. Вып. 9. С. 3–17.
4. Маджаров А.С. Становление официальной доктрины религиозного раскола в Русской православной церкви в трудах В.Н. Татищева // Известия Иркутского государственного университета. 2019. Т. 27. С. 67–76.
5. Соловьев С.М. Взгляд на историю установления государственного порядка в России до Петра Великого // Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России. М.: Правда, 1989. С. 159–203.
6. Соловьев С.М. Сочинения в 18 книгах. М.: Голос; Колокол-Пресс, 1991. Кн. 6. 730 с.
7. Цамутали А.Н. Историк-демократ Афанасий Прокопьевич Щапов // Историки России XVIII - нач. XX в. М.: Скрипторий, 1996. С. 379–394.
8. Что иногда скрывается в либеральных фразах // Современник. 1859. № 9. С. 37–52.
9. Щапов А.П. Земство и раскол // Щапов А.П. Избранное. Иркутск: Оттиск, 2001. С. 245–326.

10. Шапов А.П. Земство и раскол. 2. Бегуны // Сочинения А.П. Шапова в 3-х т. СПб.: Изд. М.В. Пирожков, 1906. Т. 1. С. 505–579.
11. Шапов А.П. Русский раскол старообрядства, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII веке и в первой половине XVIII // Сочинения. А.П. Шапова в 3 т. СПб.: Изд. М.В. Пирожков, 1906. Т. 1. С. 173–450.
12. Шапов А.П. Умственные направления русского раскола // Сочинения А.П.Шапова в 3 т. Т.1. СПб.: Изд. М.В. Пирожков, 1906. Т. 1. С. 580–647.

FROM RELIGIOUS DIVISION TO SOCIAL DIVISION: TO THE QUESTION OF THE EVOLUTION OF THE VIEWS OF A.P. SHCHAPOV

N.O. Arhangel'skaya, Ya.V. Bondareva

Moscow Region State University, Mytishi

The article considers the evolution of A. P. Shchapov's views on the religious split. Initially, he adhered to the traditional concept, which considered the split to be a product of the ignorance of the people and their adherence to the past. A few years later, Shchapov already argued that the split was an expression of the people's discontent with the strengthening of feudal dependence, manifested in a religious form. Moreover, among the directions of the split, he pays attention to the one that suggested common labor. Thus, his position coincided with the position of the revolutionary democrats and some Russian historians who considered religious movements (mainly European) as a form of expressing the interests of certain social groups.

Keywords: *A.P. Shchapov, Old Believers, social causes of religious movements.*

Об авторах:

АРХАНГЕЛЬСКАЯ Наталья Олеговна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии ГОУ ВО МО «Московский государственный областной университет», г. Мытищи. E-mail: narhan@yandex.ru

БОНДАРЕВА Яна Васильевна – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии ГОУ ВО МО «Московский государственный областной университет», г. Мытищи. E-mail: yav.bondareva@mgou.ru

About the authors:

ARHANGELSKAYA Natalia Olegovna – PhD (Philosophy), Assoc. Professor of the Philosophy Department, Moscow Region State University, Mytishi. E-mail: narhan@yandex.ru

BONDAREVA Yana Vassilievna – PhD (Philosophy), Professor, Head of the Philosophy Department, Moscow Region State University, Mytishi. E-mail: yav.bondareva@mgou.ru